

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА: ТРАДИЦИИ, БРАК, ДЕТИ (на материале губерний Верхней Волги середины XIX – начала XX века)

*Работа представлена кафедрой философии
Ивановской государственной текстильной академии.*

Статья посвящена главным событиям в семейной жизни деловых людей. Автор дает характеристику и называет основные черты родственных отношений в среде предпринимателей Верхней Волги середины XIX – начала XX в. Подчеркивает значение нравственно-религиозных правил, традиций в формировании семейно-родственных отношений промышленно-торгового сословия, а также указывает на новые тенденции в период модернизации общественной и экономической жизни российской провинции. Приводятся многочисленные исторические факты, примеры и персоналии, раскрывающие особенное и общее в понимании роли семьи в жизни человека.

Ключевые слова: семья, брак, православная традиция, патриархальная семья, купеческое сословие, социальный лифт, стратификация, социализация, идентификация.

O. Kuznetsova

FAMILY IN A BUSINESSMAN'S LIFE: TRADITIONS, MARRIAGE, CHILDREN (based on the materials of the Upper Volga provinces of the middle 19th – early 20th centuries)

The paper is devoted to the main events in the home life of businessmen. The author characterises and names the basic features of kinship relationship in the environment of businessmen of the Upper Volga region in the middle 19th – early 20th centuries. The author emphasises the value of moral and religious rules and traditions in kinship relationship forming in the industrial-merchant class and also specifies the new tendencies during modernisation of the social and economic life of the Russian provinces. Numerous historical facts, examples and persons revealing the special and the general in understanding of the family's role in human life are resulted.

Key words: family, marriage, Orthodox tradition, patriarchal family, merchant class, social lift, stratification, socialisation, identification.

В жизни человека есть важнейшие ключевые события: отправным из них является рождение его на свет, повзрослев, человек вступает в брак, заводит семью и живет в ней, венчает земную жизнь человека его смерть. Все эти события имели свои особенности в отечественной предпринимательской среде. Характеристику их начнем с рождения ребенка и действий, сопровождавших его.

По нравственным правилам, которые утверждала в обществе Русская православная церковь, дети были главным моральным оправданием брака, неслучайно русский народ сложил поговорку: «У кого детей нет – во грехе живет». По вековой традиции, главным носителем которой было крестьянство, нужно

было завести как минимум трех сыновей. Считалось, что один сын так или иначе умрет (детская смертность в дореволюционной России была очень высокой), второй пойдет служить в армию (во времена рекрутчины он зачастую вообще не возвращался в семью), третий же останется с родителями и будет содержать их на старости лет. Но для того, чтобы в семье было трое сыновей, нужно было родить, по крайней мере, шестерых детей, так как по статистике половина их окажется девочками.

Такого рода предписания традиционной культуры оказывали большое влияние не только на крестьян, но и на предпринимательские семьи купцов и мещан в городе. Кроме того, вплоть до конца XIX в. в распоряжении людей

практически не было эффективных средств для контроля за рождаемостью. Именно этим объяснялось большое количество детей не только в крестьянских, но и в мещанских и купеческих семьях. Конкретные данные по отдельным предпринимательским родам и семьям Верхнего Поволжья в полной мере подтверждают это правило.

Шуйский купец Иван Федорович Попов от брака с Анной Васильевной Кокушкиной (дочерью фабриканта из села Лежнева Ковровского уезда В. А. Кокушкина) имел тринадцать человек детей, из которых девять умерли в младенческом возрасте. Остались жить только три дочери и один сын Иван, который и унаследовал отцовское дело [22, с. 73–74]. Этот факт, относящийся к первой половине XIX в., говорит о том, что даже в состоятельных семьях медицина в то время не могла предотвратить настоящего мора среди детей, и поэтому сыновей заводили как бы «про запас». В купеческих семьях учитывали, что многие из них могут не дожить до того времени, когда им придется принимать в свои руки отцовскую фабрику или торговое дело. Рождение дочери не являлось таким же радостным событием, как рождение сына, так как она не могла быть продолжательницей фамилии и семейного дела, дочь при замужестве только уменьшала родовой капитал, ввиду того что ей нужно было выделить приданое. Между тем, для того чтобы не уронить достоинство предпринимательской семьи, приданое по своему размеру и разнообразию должно было быть прямо пропорционально богатству этого рода.

Такие же многодетные купеческие семьи были не редкостью и в более позднее время – во второй половине XIX – начале XX в. У основоположника династии Морозовых Саввы Васильевича, как известно, было пятеро сыновей: Елисей, Захар, Абрам, Иван и Тимофей. В следующих двух поколениях число детей в различных семьях Морозовского рода было максимальным: у Викулы Елисеевича – 12, у Ивана Захаровича – 17 (выжили трое), у сестры Саввы Тимофеевича Анны Тимофеевны Карповой – 18 (выжили 15 человек) [10, с. 48]. Семейство купца Ф. И. Носкова из

села Клязьменский городок Ковровского уезда воспитывало восьмерых детей [15, с. 90]. При этом нужно учесть, что семьи как Морозовых, так и Носковых принадлежали к старообрядчеству, а по канонам «древлего благочестия» любые попытки контроля над рождаемостью являлись тяжким грехом.

Однако в городской среде во второй половине XIX в. отношение к многодетности стало серьезно меняться. Это было связано с буржуазными реформами Александра II, постепенной модернизацией страны и изменениями в менталитете образованного общества. Как отмечают исследователи, постепенное снижение уровня рождаемости отчетливо наблюдалось уже в середине XIX в. у дворянства, чиновничества и отчасти у купечества. В конце того же столетия оно стало заметным во всех социальных слоях русского общества [16, с. 190]. Женщины, которые до этого были «хронически беременными», начинают тяготиться многочисленными родами, которые порой давались им нелегко, вдобавок появляются более или менее надежные средства контрацепции.

Это подтверждается фактами, которые относятся уже ко второй трети XIX в. и к более позднему времени. В 40-х гг. XIX в. в семье купца из города Рыбинска А. Рыжкова после его смерти остались сын Дмитрий 16 лет и дочь Евлампия 15 лет. Детей моложе их не было, вполне возможно, заведя двоих, купец решил этим ограничиться [18, с. 157–158]. У выходца из крестьянской среды ковровского предпринимателя А. Е. Треумова было трое детей: две дочери – Матрена и Анна, а также сын Иван, который в дальнейшем стал известным текстильным фабрикантом [19, с. 60]. У Ф. М. Красильщикова, хозяина большой текстильной фабрики в Родниках Костромской губернии, от брака с Елизаветой Друженковой, взятой им в жены в Ярославле, было четверо детей: Николай, Анна, Юрий и Антон [13, с. 84]. Количество детей во многих купеческих семьях постепенно уменьшалось из поколения в поколение. Если у основателя династии Коноваловых, Петра Кузьмича, одних только сыновей было четверо, то у представителя третьего поколения, Ивана Александровича,

был только один сын Александр. В будущем он стал не только видным предпринимателем, но и известным всей России политиком [4, с. 66].

Эти факты свидетельствуют о том, что уже в середине XIX в. в купеческих семьях начало осуществляться сознательное ограничение рождаемости. Дополнительным фактором этого же процесса служило постепенное вхождение предпринимателей в ту социальную группу, которую называли «образованным обществом», а в нем было уже не «модно» иметь «кучу» детей. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в связи с прогрессом медицины существенно уменьшилась младенческая смертность в богатых семьях, которые имели возможность пользоваться квалифицированным медицинским обслуживанием. Поэтому теперь вовсе не требовалось заводить помногу детей «впрок», т. е. с поправкой на их высокую смертность.

Следует сказать несколько слов об обязательных обрядах, а также об обычаях и поверьях, которые сопровождали рождение младенца и относились к самому началу его жизни. В ближайшие дни после рождения ребенка несли в церковь для совершения таинства крещения. Кроме погружения в купель, необходимой частью этого важнейшего таинства было поручение за веру крещаемого, которое давали крестный отец и крестная мать. Эти люди, которых именовали еще «восприемниками» младенца, произносили за него Символ веры и в дальнейшем были ответственны за то, чтобы научить его православной христианской вере [26, с. 377, 846].

Крестными не могли быть родные мать и отец. О том, кто реально становился важным и духовно близким для ребенка лицом, свидетельствуют фонды сенатского Департамента герольдии. Здесь в двух описях содержатся документы, которые собирались для пожалования звания потомственного почетного гражданина, в основном просителями по этим делам выступали купцы. Нами были подробно изучены документы по двум семьям крупных текстильных предпринимателей из Иваново-Вознесенска Гандуриных – Николая и Лаврентия Михайловичей. При рождении детей

первого из них (Николая) восприемниками становились тетка Анна Михайловна и дядя Сергей Михайлович. У Лаврентия Гандурина крестными отцами и матерями его многочисленных детей (Александра, Михаила, Елизаветы, Любви, Ольги, Петра, Федора, Лаврентия и Александры) сначала были дед крещаемых А. Н. Витов, дядя Антон Михайлович, двоюродная сестра их Наталья Андреевна. В дальнейшем старшие дети Л. М. Гандурина, Александр, Михаил и Елизавета, становились восприемниками своих младших братьев и сестры: Петра, Федора, Лаврентия и Александры [20].

Семья Гандуриных в этом отношении не была исключением. Фронтальный просмотр других дел с купеческими родословными документами (иваново-вознесенские фабриканты Маракушевы, ковровские – Дербеневы, шуйские – Кокушкины) только подтверждают сделанные нами наблюдения о том, что крестными отцами и матерями становились, как правило, наиболее близкие родственники младенцев, причем разница в возрасте не играла роли: восприемником мог стать и дед крещаемого, и его старший брат, не вышедший пока из подросткового возраста. Судя по документам, наличие обоих восприемников в то время было необязательно, часто у ребенка была только крестная мать или только крестный отец [21].

Весьма интересными представляются некоторые местные поверья, которые относились к родам, крещению и младенческому возрасту. Поверья были собраны известным иваново-вознесенским текстильным фабрикантом и не менее известным историком-краеведом Яковом Петровичем Гарелиным, они были опубликованы в местной периодике. Они относятся к быту так называемых «капиталистских», т. е. зажиточных крестьян Шуйского уезда, а также богатых горожан Шуи и Вознесенского посада и касаются первой половины и середины XIX в. В частности, Я. П. Гарелин свидетельствовал о том, что во время трудных родов возле домашнего киота зажигали венчальную свечу роженицы для того, чтобы все прошло удачно. Во время крещения священник обрезал у ребенка прядь волос и отдавал куму, который бросал их в купель. Если волосы уто-

нут, то дитя не будет жить долго, если же будут плавать на поверхности, то жизнь родившегося человека будет долгой [8].

Относительно младенческого возраста существовали свои поверья. В другой публикации Я. П. Гарелина говорится, что когда ребенку исполнялся год, то его называли годовиком, при этом сажали на шубу, расстеленную на полу, и стригли волосы, чтобы в дальнейшем они росли гуще, и дите было здоровым. Также в то время, когда у ребенка резались зубы, под кровать ему клали травы: плакун, для того чтобы он не плакал, и дрему, для того чтобы он хорошо спал. Если ребенок долго не начинал ходить, и это беспокоило родителей, то было принято заказывать большую восковую свечу, которую обычно носили перед иконами во время крестных ходов [9].

Важнейшим событием в жизни любого человека является брак. Две основные и тесно связанные друг с другом цели его – продолжение рода и передача по наследству того дела, которое практиковалось в данном семействе из поколения в поколение. Для крестьян или мещан, занимавшихся каким-либо ремеслом, это было поддержание и по возможности развитие своего небольшого хозяйства. Особенно важным было заключение выгодного брака для семей предпринимателей. В случае безбрачия и пресечения рода судьба капитала, накопленного предками, становилась проблематичной. Он наследовался другими ветвями того же делового клана или в самом худшем варианте становился выморочным. Поэтому для семей предпринимателей было очень важно женить наследников и сделать это как можно удачнее с материальной точки зрения.

Большинство предпринимательских кланов XIX – начала XX в. являлись выходцами из крестьянского сословия и унаследовали от него религиозно-этические представления об обязательности и священности брака. Женитьба, а потом обзаведение детьми рассматривались как исполнение священного христианского долга. Характерно, что даже обряд венчания по традиции именовался «судом Божиим».

В предпринимательской среде выбор жениха или невесты первоначально осуществлялся

не самым молодым человеком или девушкой, а его семьей, родителями. Поэтому соображения сентиментального характера (любви или просто взаимной склонности) совсем не учитывались. При этом надо оговориться, что в дальнейшем по мере роста чувства индивидуальности и собственного достоинства молодежи эти мотивы стали все же приниматься во внимание при заключении брака, но не всегда в качестве главных.

Можно предположить, что основными соображениями семьи в матримониальных делах молодого поколения были чисто хозяйственные, т. е. стремление выбрать партнера из более зажиточной семьи, когда была возможность получить значительное приданое или даже объединить капиталы двух деловых кланов. Действительно, такие соображения всегда играли очень важную роль, а в предпринимательской среде по вполне понятным причинам они были выражены гораздо более рельефно, чем в других социальных слоях.

Именно поэтому среди купеческого сословия большинство браков заключалось внутри своего круга. Чаще всего для юноши или девушки подбирали «половину» из хорошо известных семей (из дальних родственников или свойственников), а также из давних и надежных коммерческих партнеров. Поэтому сватать невесту иногда уезжали в другой город или даже в другую губернию, если рядом подходящей (по понятиям родителей) партии не было.

Автором, а также некоторыми краеведами на страницах двух выпусков альманаха «История Тейкова в лицах» был собран большой материал о свойственных (через брак) связях нескольких крупных семей промышленников Владимирской губернии. В частности, фабриканты Ясунинские из Кохмы Шуйского уезда породнились с Киселевыми (Шуя), Полушинными, Борисовыми, Гарелиными (Иваново-Вознесенск), Каретниковыми (Тейково) [27, с. 18].

Каретниковы, владевшие текстильной фабрикой в Тейкове того же Шуйского уезда, имели свойственные связи с Гарелиными (Иваново-Вознесенск), Игумновыми (Шуя), Хлебниковыми (Ростов Ярославский), Крес-

товниковыми (Москва), промышленники Кокушкины из Лежнева – с Ивановыми, Борисовыми и Поповыми (Шуя), те же самые Поповы – с Кокушкиными (Лежнево), Калужскими и Посылиными (Шуя), Каретниковыми (Тейково) [14].

Выгодная женитьба иногда приводила к существенному прогрессу дел того или иного предпринимателя. В семье Бурылиных (Иваново-Вознесенск) после раздела небольшой родовой фабрики между братьями Дмитрием и Николаем дела последнего обстояли очень неважно. Однако женитьба на Надежде Куваевой, единственной наследнице крупного мануфактурного дела, сделала его важной персоной в промышленном Иваново-Вознесенске. Благодаря своей энергии он со временем сумел превратить Куваевскую мануфактуру в одно из крупнейших текстильных предприятий Владимирской губернии со стабильным и высоким ежегодным доходом [39, с. 160].

В семьях, где не было наследников по мужской линии, специально заранее присматривали для дочерей женихов, которые могли бы в дальнейшем взять в свои руки семейное дело. Замужество богатой наследницы за незнакомым и ненадежным человеком, тем более, из чуждой социальной среды, могло грозить распылением капитала и дела, над упрочением которого трудилось не одно поколение промышленников или торговцев. Крупному иваново-вознесенскому текстильному фабриканту З. Л. Кокушкину повезло: он сумел подыскать подходящего зятя для того, чтобы спокойно оставить ему в наследство нажитое добро. Мужем единственной дочери Кокушкина стал владелец ткацкой фабрики К. И. Маракушев. В результате объединения двух купеческих капиталов Торговый дом З. Кокушкина и К. Маракушева стал одной из крупнейших текстильных фирм в русском Манчестере [1, с. 9].

Для деловых людей чаще всего материальные соображения превалировали над мотивами престижного порядка. Поэтому нередко бывали случаи, когда купеческая семья принимала богатую невестку или состоятельного зятя из крестьянского сословия, которое стояло значительно ниже на социальной лестнице.

Например, основоположник рода ковровских фабрикантов, крестьянин А. Е. Треумов женился на дочери купца М. И. Большакова Лукерье. В дальнейшем он, несмотря на нажитое богатство, так и оставался до самой смерти в том же сословии [19, с. 60]. В соседнем с Ковровом городе Вязники Владимирской губернии местный купеческий сын из небогатого предпринимательского рода В. Д. Хромов в 1890 г. взял в жены дочь богатого крестьянина из деревни Холщевой М. И. Баканову [6].

Однако неверно было бы считать брак в предпринимательских семьях только хозяйственной сделкой. При заключении брака учитывались и другие соображения: престижные, психологические, эстетические. Вполне правомерным было желание родителей получить в семью девушку с хорошим нравом, покладистым характером, миловидную (красота тоже являлась своего рода капиталом!), из хорошей семьи, а по возможности, из сословия, обладавшего более высоким социальным статусом.

Несмотря на то что приведенные факты о межсословных браках купеческих и крестьянских отпрысков, соображения престижа все же играли значительную роль при устройстве личной жизни молодых предпринимателей. Поэтому большой интерес представляют отношения между дворянством и купечеством с матримониальной точки зрения. Издавна между этими сословиями существовал высокий статусный барьер, который серьезно препятствовал установлению свойственных связей между представителями этих сословий.

В этом отношении весьма характерны наблюдения, сделанные на основе личного опыта известным московским предпринимателем Н. П. Вишняковым: «Отношение купечества к дворянству, как сословию правящему, привилегированному, замкнутому в себе и заинтересованному в преследовании лишь своих узкосословных целей, было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательства. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если это происходило, то возбуждало всеобщее живей-

шее и притом саркастическое любопытство по отношению тех, кто нарушил обычаи своих каст. Обыкновенно объясняли это корыстными расчетами. Если купец принимал дворян, это значило: добивается подряда, ордена или медали, норовит дочь выдать за «благородного». И если, чего не дай Бог, дворянин собирался жениться на купеческой дочери, судьба последней заранее оплакивалась: что иное мог иметь дворянин в виду, как не то, чтобы обобрать несчастную и бросить? Исключения могли составлять только очень богатые купеческие семьи, обладавшие достаточными средствами, чтобы «купить» порядочного дворянина, но это было редкостью. Так же, если купец женится на дворянке, об нем соболезновали. Дворянке никак не полагалось выходить за купца иначе, как не имея юбки за душой. Акакое же благополучие могло ожидать при таких условиях? Известное дело: оберет мужа, одарит свою семью, заведет любовника их «своих», да и уйдет от мужа. Да еще смеяться станет: этакого дурака обошла» [5, с. 39].

Хотя рассуждения Вишнякова носили пристрастный характер, имеющий на себе отпечаток сословного эгоизма, действительность нередко подтверждала самые худшие опасения и с той и с другой стороны (т. е. со стороны дворянских и купеческих родственников). Например, после женитьбы молодого дворянина Николая Ошанина на дочери шуйского купца Анне Посылиной, судьба обоих вызывала только постоянные сожаления у их близких. Материальное положение молодой пары было незавидным. Так, Ошанин явно не от хорошей жизни вынужден был наняться в качестве домашнего учителя к детям ивановских фабрикантов Гарелиных и кохомских промышленников Щербаковых. По свидетельству их родственников, знакомства Николая и Анны были явно предосудительными, они во второй половине 50-х гг. XIX в. общались в Иванове с известным писателем-народником Ф. Д. Нефедовым, сестрами Надеждой и Апполинарией Сусловыми, которые шокировали местное общество своей эмансипированностью, и даже с С. Г. Нечаевым (!) [2, с. 4].

Во второй половине XIX в. положение с межсословными браками начало постепенно

меняться. Это можно проследить на примере поколенной росписи разветвленного, долговечного и довольно многочисленного рода текстильных фабрикантов Каретниковых из Тейкова. Выше уже приводились факты о браках их представителей внутри купеческой среды. Во второй половине столетия они стали принимать в свое семейство и представителей дворянского сословия. Александра Васильевна Каретникова вышла замуж за И. С. Шмидта, который впоследствии являлся предводителем дворянства Шуйского уезда. Еще одна купеческая дочь, Юлия Ивановна Каретникова, стала женой А. М. Невядомского, происходившего из старинного польского шляхетского рода [28, с. 6–7].

В начале XX в. браки между представителями этих двух сословий стали еще более частыми. В научной литературе отмечается, что купцы все больше приближались в социально-культурном плане к дворянству, и девушке из обедневшей (и не только из обедневшей) дворянской семьи вовсе уже не считалось зазорным выйти замуж за состоятельного купца [11, с. 125].

Внучка известного русского адмирала Молчанова, Мария Яковлевна, происходившая из дворян Шуйского уезда, первым браком вышла замуж за генерал-майора Шимановского. Овдовев, генеральша не посчитала позорным вступить во второй брак уже с купцом А. Г. Бегеном. Она поселилась с мужем в Иваново-Вознесенске, но по-прежнему содержала свое родовое дворянское имение в селе Талицы [23, с. 207].

Такие случаи представляли скорее исключение, чем правило, среди малоизвестных провинциальных предпринимателей, таких, как Бегены. Однако они становились все более частыми у предпринимателей известных, богатых и завоевавших себе громкое имя в деловом мире и общественной деятельности. В частности, крупнейшие текстильные фабриканты Морозовы первоначально предпочитали родниться с равными себе по сословию, в среду их свойственников попал чуть ли не весь цвет московского купечества, сначала из старообрядцев, а потом и из православных. Характерно, что Тимофей Саввич Морозов от-

казывался перейти в дворянское сословие, хотя возможности для этого ему предоставлялись [24, с. 48–50]. Однако среди его потомков уже очень многие породнились с первенствующим сословием империи. Большая часть его внуков являлась уже не купцами, а «благородными». С Морозовыми были связаны брачными узами такие известные дворянские роды, как Кривошеины, Лихачевы, Ненароковы, Смольяниновы, Головнины, фон Мекки, Назаровы и др. [10, с. 50].

Для Морозовых родство с известными дворянскими фамилиями было не только престижным, но и полезным для их профессиональной деятельности, тем более что среди дворянских родственников встречались чиновники самого высокого ранга, например, А. В. Кривошеин, являвшийся руководителем Главного управления землеустройства и земледелия в 1908–1915 гг. Тем более важными и престижными были свойственные связи для провинциальных предпринимателей, не вхожих в столичные канцелярии и великосветские салоны. Эти связи способствовали вертикальной социальной мобильности предпринимателей, т. е. продвижению их потомков вверх. Брак с дворянином или дворянкой в данной ситуации выполнял роль социального лифта, который перемещал заключающего союз и его потомков в той или иной степени выше по социальной лестнице. Так, младшая линия ковровских купцов Шагановых трижды роднилась с дворянами, и потомки их по женской линии достигали значительных высот в военной и гражданской карьере. Например, сын П. Ф. Шагановой и А. П. Крюковского, Петр Крюковский, стал полковником Тульского пехотного полка, сын еще одной Шагановой и П. Д. Кислинского, Михаил Кислинский, дослужился до чина тайного советника и работал в канцелярии по принятию прошений, направленных на высочайшее имя [25, с. 25].

Не последнюю роль в браке играли эстетические соображения, т. е. внешность жениха и невесты. Конечно, для самих вступающих в брак они были гораздо более важными, чем для ближайших родственников, но последние тоже принимали их во внимание. В купеческой среде сложился свой идеал женской красоты,

который в концентрированном виде мы можем наблюдать на картинах Б. М. Кустодиева, изображающих купчих. Не будет преувеличением утверждение о том, что тип этой красоты замечательный художник нашел в том числе и в Кинешемском уезде Костромской губернии, который он впервые посетил в 1900 г., а в дальнейшем регулярно бывал здесь до 1915 г. Кустодиев писал местному сельскому учителю И. А. Адельфинскому: «Я прожил в тех местах десять лет и считаю эти годы одними из лучших в своей жизни. Все эти места..., которые я рисовал, и которые вошли ко мне на картины как материал. Всю эту округу я знал как свои пять пальцев» [3, с. 381]. Именно в купеческой Кинешме и в окружающем ее промышленном уезде он, как нам представляется, нашел такой идеал женской красоты, который был особенно близок представителю зажиточной городской среды: белокурую, пышущую здоровьем, с небесно-голубыми глазами.

Идеал, изображенный на картинах Кустодиева, во многом подтверждается источниками личного происхождения, относящимися к началу XX в. В частности, это дневник юноши Леонида Грибова, который принадлежал к небогатой предпринимательской семье в городе Иваново-Вознесенске. Образ идеальной подруги и невесты видится ему таким: «Пожалуй, представлю мнимую характеристику неизвестной „ее“: Она еще почти ребенок (16 лет) – брюнетка, носит небольшую косичку; рост, сообразуясь с годами, высокий; ее личико бело, иногда же оживляется ярким румянцем; карие глазки приветливо и бойко смотрят из-под густых ресниц; черные густые брови ловко обрамляют эти карие глазки и еще более придают им блеска; она имеет правильный миниатюрный носик; пунцовые губки, подобные кораллу, вероятно, созданные исключительно для поцелуя, и за ними ряд белых зубов довершают красоту этой миленькой девочки» [12].

Брак по любви первоначально был весьма редким. Оценивая это явление, необходимо принимать во внимание и религиозные воззрения, господствовавшие в купеческой среде, а также среди крестьян и мещан. В этих социальных слоях существовало стойкое предубеждение против церковного соединения

двух людей по страсти, которая считалась чем-то греховным и недостойным религиозных таинств, к числу которых принадлежал брак.

Поэтому в первой половине XIX в. родители редко учитывали взаимные склонности детей и руководствовались в первую очередь материальными, а также иными соображениями, о которых шла речь выше. Старшие поступали по известной русской поговорке: «Стерпится – слюбится», но, к сожалению, народная мудрость оказывалась справедливой далеко не всегда. Вместе с тем в истории провинциальных предпринимательских семей нередко бывало, что в процессе семейной жизни, обзаведения детьми и воспитания их возникали взаимное уважение, забота друг о друге, взаимопомощь мужа и жены в сложных обстоятельствах. Все это нередко служило основой для появления чувства любви уже после заключения брака.

Одним из примеров такой счастливой совместной жизни являлась семья Тимофея Саввича и Марии Федоровны Морозовых. Тимофея родители женили в 1846 г. на дочери московского купца 2-й гильдии Ф. С. Симонова. Один за другим в семье стали появляться дети. Мария Федоровна была не просто матерью семейства, муж регулярно посвящал ее в свои дела, знакомил с деловыми пар-

нерами. Постепенно молодые супруги не только привыкли, но полюбили друг друга. Поэтому смерть Тимофея Саввича стала для его жены большой трагедией. После смерти мужа последние два десятка лет своей жизни Мария Федоровна прожила безутешной вдовой, усердно молясь за упокой души супруга и жертвуя в память его значительные средства на богоугодные дела [17, с. 77].

Такие же отношения связывали другую предпринимательскую чету – Степана Ивановича и Александру Дмитриевну Каретниковых. В своих письмах к жене С. И. Каретников обращался к ней не иначе как «милый друг мой, Сашенька». Символична композиция парных заказных портретов, изображающих этих двух людей, они сидят как бы за одним столом, с симпатией глядя друг на друга [7].

Капиталистическая модернизация, буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в России оказали большое влияние не только на экономику и государственные институты, но и на частную жизнь, особенно это касалось городских сословий. В новых условиях даже в старозаветных купеческих семьях молодежь все громче стала требовать от родителей учитывать их склонности при выборе спутника жизни. Браки по любви в этой социальной среде постепенно перестали быть редкостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабичев В. А.* Прочные нити: исторический очерк. Ярославль, 1988.
2. *Баделин В. И.* Богатые и прежде тоже плакали // Провинциальный анекдот: чтения по региональной казуальной истории. Вып. II. Шуя, 2002.
3. *Баделин В. И.* Земля Иванов: истор.-литературные очерки. Иваново, 2001.
4. *Балдин К. Е.* Вичугская сторона. Иваново, 2002.
5. *Вишняков Н. П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1911. Ч. III.
6. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1597. Л. 19.
7. ГАИО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1295. Л. 10; *Черемушкин И. Ю.* Замечательные люди не исчезают бесследно: роль ростовских купцов Хлебниковых в становлении Товарищества мануфактур «А. Каретниковой с сыном» // История Тейкова в лицах: альманах. Тейково, 2004. С. 5–6.
8. *Гарелин Я. П.* Местные суеверия в Шуйском уезде // Владимирские губернские ведомости. 1868. № 12.
9. *Гарелин Я. П.* Этнографический очерк обычаев жителей Шуйского уезда // ВГВ. 1868. № 10.
10. *Дроздов М. С.* Род Морозовых: 1770–1917 гг. // Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России». Ногинск, 1996.
11. *Иванова Н. А.* Города России // Россия в начале XX века. М., 2002.
12. Ивановский государственный краеведческий музей им. Д. Г. Бурьлина. Д. 83782/5. Л. 17.
13. *Красильщиков А. П., Сафронов В. Д.* Фабриканты Красильщиконы. М., 2000.
14. *Кузнецова О. А.* Малоизвестные факты родственных связей семейства Каретниковых // История Тейкова в лицах: альманах. Тейково, 2005. С. 10; *Ягодкина С. Г.* «Да будет над ними Пресвятой Покров и родительское благословение» // Там же. С. 16.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

15. *Кузьмина С. Б.* Родословие семьи Носковых // Стародубский сборник. Ковров, 2005.
16. *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003.
17. *Морозов С. Т.* Дед умер молодым. М., 1996.
18. Отчет по имению рыбинского купца Александра Рыжкова за 1847 год : подготовка публикации и вступительная статья О. А. Полетаевой // Век нынешний, век минувший... : исторический альманах. Вып. 2. Ярославль, 2000.
19. Памятник Андрею Треумову – памятник роду крестьянских капиталистов // Ковровский исторический сборник. Вып. 3. Ковров, 2002.
20. РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1096. Л. 16; Д. 1095. Л. 17–19.
21. РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1510, 2432, 3192.
22. *Сироткин А. С.* Фабриканты Поповы : история предпринимательской династии // История в лицах : выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края. Рождественский сборник. Вып. XI. Ковров, 2004.
23. Столичный район. Иваново, 2002.
24. Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России». Ногинск, 1996.
25. *Фролов Н. В.* Из истории ковровского мещанско-купеческого рода Шагановых-Филченковых-Захаровых // Рождественский сборник. Вып. III. Ковров, 1996.
26. Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
27. *Цикулина Н. В.* Николай Арсеньевич Ясунинский – фабрикант, общественный деятель, меценат // История Тейкова в лицах: альманах. Тейково, 2004.
28. *Черемушкин И. Ю.* Чувство долга (Степан Иванович Каретников младший) // История Тейкова в лицах: альманах. Тейково, 2005.
29. *Экземплярский П. М.* История города Иванова. Ч. 1. Иваново, 1958.